

А.Н.Колосков

НАЗАД К БУДУЩЕМУ: О КОНСЕРВАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В широком сознании носителей европейской культуры концепт «консерватизм» прочно связывается со сферой политического, с определенной стратегией государственного устройства. Сама современная духовная атмосфера европейского социокультурного пространства, находящегося в процессе осознания шаткости национальной идентичности, размытости (по определению З. Баумана, «текучести» [1]) онтологических оснований культуры, разочарования в идее мультикультурализма, провоцирующего активацию негэнтропийных моделей существования культуры, актуализирует консервативный дискурс, выводит его за рамки исключительно политической стратегии, ставит задачу его многогранного исследования.

В современной философской парадигме подходы к исследованию консервативного дискурса могут быть и являются разнообразными. Во-первых, это изучение его сущностных оснований: осознание способов бытия и типов мышления, антропологических представлений. В данной ситуации как объект исследования особенно актуальными являются общие с либеральной моделью (именно традиционное сопоставление двух культурных моделей – либеральной и консервативной – является продуктивным) культуры ключевые понятия «свобода», «истина», «история», «прогресс». Во-вторых, описание и анализ собственно идеологии консерватизма с опорой на его аксиологию и с перспективой социокультурных практик. Подобный научный подход особенно популярен и данного рода исследования многочисленны. В-третьих, учитывающий основательный опыт разработок, осуществленных в рамках двух предыдущих, подход, который ориентирован на исследование коммуникативного действия консервативного дискурса и тесно связан с проблемой понимания в культуре.

Рационально осмысленный как стратегия (модель) развития культуры консерватизм (как и либерализм) собственные метафизические категории переводит в категории «объективного» мира, начинает поиски «идентичных» для носителей культуры референций. Формирующийся дискурс о консерватизме, основанный на даваемой коммуникацией возможностью предвосхищать предметы и явления, способы их взаимодействия, их взаиморасположение и, в конечном счете, целеполагание, сталкивается с жизненными реалиями и обуславливает практическое вмешательство в мир.

Художественные практики в масштабном консервативном дискурсе занимают значимое место не только потому, что это один из наиболее

эффективных способов коммуникации, при котором возможно «проживание» некоей реальности, обретение трансцендентального опыта, но и потому, что сами основания названного дискурса (христианская онтология) предполагают определенную границу рационального познания мира и безграничность познания духовного.

Эксплицированная в художественных практиках консервативная идеология исследована основательно. Самый общий взгляд на историю нарратива в рамках консервативного дискурса позволяет сделать вывод, что специфика его изменялась.

Рожденный как политическая программа в реалиях культуры Просвещения консерватизм был декларативен и особенно не нуждался в семантическом расширении. По мере децентрализации метафизического мышления консервативный дискурс всё более нуждается в контекстах жизненного мира, является полем пересечения познания с языком и действием. Поэтому трансформацию форм, жанров, способов экспликации идей далеко не всегда можно объяснить либеральной «свободой художника», радикальным отвержением опыта предшествующих поколений, «страхом влияния».

Широко известна полемика о языке в русской литературе и литературном быту начала XIX в. С одной стороны, происходит десакрализация книжно-церковного языка. В кругу «Арзамаса» она стала главной речестилевой установкой. С другой стороны, формы церковнославянского языка, хранящие элементы христианской традиции, были своего рода «посредниками» между церковной и светской сферами. Важным фактором взаимодействия языков стал перевод Библии, работа над которым (после выхода синодального варианта) продолжалась практически до начала следующего века.

Примером жанровой трансформации может служить изменение на рубеже XVIII-XIX вв. архитектоники такого репрезентативного для Просвещения жанра, как трагедия. В русской традиции предисловия к трагедиям некоторыми авторами (например, Г.Р. Державиным) используются для введения реципиента в широкий исторический контекст, в изъяснениях проводятся нравоучительные аналогии между событиями прошлого и современностью, подчеркивается идея репрезентации мира как такового.

Исследователями отмечался тот факт, что в консерватизме (особенно очевидно в русском) мифологизируются персонажи и образы [2]. Но они в консервативном дискурсе не осознаются как таковые. Напротив, подчеркивается их историчность, реальность, истинность. Возможно потому, что истинным в консервативном дискурсе является то, что высоко морально, нравственно, чисто

(сообразно с религиозным канонem). В данном случае (как ни парадоксально) срабатывает регулятивная функция ориентации на истину. Реалии существования требуют соотнесения процессов фактического оправдания с целью, верховным судьёй здесь выступает разум. Кроме того, по мысли Ю. Хабермаса, «в дискурсивном споре о правильной интерпретации того, что встречается нас в мире, контексты дрейфующих друг из друга жизненных миров необходимо преодолевать изнутри» [3].

Категории истинности, действительности являются важнейшими и при обращении к проблеме реализма как художественного метода. Отрефлексированный современниками, а затем многочисленными исследователями реализм в большинстве случаев имел тень идеализма, что зачастую ввергало однолинейно настроенных ученых мужей в растерянность. Современный исследователь проблемы реализма как художественного метода В.А. Котельников отметил, что термин «реализм» по сути своей критичен. Опираясь на детальный анализ литературного, философского, критического материала, автор вводит в научный оборот термин «критический идеализм» – своеобразный и более точный аналог термина «критический реализм» [4]. Т.о. открывается потенциал исследования идеала автора, с которым соизмеряется изображаемая реальность. И анализ фактического материала европейской литературы позволяет утверждать, что зачастую идеальная авторская реальность находится в пространстве консервативных представлений (примером тому могут служить такие весомые фигуры в культуре, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Т. Манн).

На рубеже XIX-XX столетий художественные практики, модернизируя традицию, реализовывались в двух направлениях: неотрадиционализм и авангард. Если в рамках неотрадиционализма консервативный дискурс трансформировался либо в своем идеологическом наполнении, либо в формальном воплощении (духовные и творческие искания символистов), то его соотнесение (в тех случаях, когда это вообще возможно) с авангардным искусством необходимо вести в парадигме, заданной самими творцами.

Замечательного художника и теоретика (что для нас чрезвычайно важно) искусства В. Кандинского необыкновенно раздражали обвинения в том, что он хочет порвать с традицией и опрокинуть здание старого искусства. Отвечая на обвинения, художник в своей работе «Текст художника. Ступени» писал, что «беспредметная живопись не есть вычеркивание всего прежнего искусства, но лишь необычайно и первостепенно важное разделение старого ствола на две

главные ветви, без которых образование кроны зеленого дерева было бы немыслимо» [5]. Принципиальны попытки В. Кандинского уйти от натуралистических форм. Это попытка, минуя форму, выйти к суггестивному познанию истины. И в широком смысле, если принимать во внимание сущностные основания его поисков, авангардист Кандинский гораздо более консервативен многих художников-реалистов. Не случайно искусствовед С.М. Даниэль отмечал тесную связь идей художника с современным символизмом. Сопоставляя идеи, высказанные в теоретических трудах Кандинского, с мыслями А. Белого, исследователь отмечает, что эти неординарные творческие личности совпадают в оценках музыки как искусства, стоящего над другими видами искусства, им близка идея грядущей индивидуализации творчества, полного разложения форм искусства во имя его истинности [6].

Подводя некоторые итоги, хочу отметить сложный и изменчивый характер дискурса о консерватизме, в определенной степени даже провокационный. Само понятие «консервативный дискурс» провоцирует исследователей на расширение его границ. Это естественно, поскольку дискурс о консерватизме – явление живое, противостоящее дискурсу о либерализме и одновременно с ним формирующее европейское культурное пространство. Безусловно, исследование консервативного дискурса должно основываться на поиске и изучении его онтологических оснований, форм и способов его существования.

Примечания

1. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
2. Соколов Е.Г. Персонажи и образы консерватизма в истории русской культуры // Введение в проблематику российского консерватизма. СПб., 2007. С.154-175.
3. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М., 2011. С.36.
4. Котельников В.А. «Что есть истина?»: Литературные версии критического идеализма. СПб., 2010.
5. Кандинский В. Точка и линия на плоскости. СПб., 2011. С.55.
6. Даниэль С.М. От вдохновения к рефлексии: Кандинский – теоретик искусства // Кандинский В. Точка и линия на плоскости. СПб., 2011. С.5-16.